в XVII в. большое количество русских людей в непосредственное соприкосновение с культурой других народов. Поэтому многие произведения становились известными на Руси не только в письменных переводах, но и в устной передаче, причем иногда такая передача предшествовала появлению письменных текстов (Еруслан) или бытовала параллельно с ними, способствуя быстрому возникновению руссифицированных редакций (Бова).

Правительство снова руководит работой переводчиков, намечает круг произведений, подлежащих переводу. Важными центрами переводческой деятельности становятся Посольский приказ и Печатный двор, их значение в этой области изучено пока еще недостаточно.

Преимущественный интерес к светским жанрам в переводах XVII столетия (анекдот, басня, разнообразная юмористика, любовно-авантюрные повести) следует не только ставить в связь с «обмирщением» оригинальной литературы, но и пытаться решить проблему в более широком плане развития мировоззрения и философской мысли.

Не случайно в последние годы все чаще обсуждается вопрос об элементах гуманизма в позднем русском средневековье. Понятно, что эту проблему нельзя решать так, как предлагает, например, М. Браун. По его мнению, русская литература XVII столетия действительно выдвинула светских героев, которые имели мужество «отойти от морально-религиозных норм», но в целом о гуманизме в собственном смысле слова на Руси не могло быть речи.[5] Гораздо более убедительными представляются наблюдения М. П. Алексеева, который прослеживает накопление гуманистических тенденций в русской культуре с XVI в. и отмечает их достаточно широкое развитие в XVII столетии.[6]

Думается, что именно в атмосфере постепенного преодоления средневекового мировоззрения были созданы многие оригинальные произведения XVII в. Открытие ценности индивидуального человека с его переживаниями наложило отпечаток на повести о Горе-Злочастии и о Сухане с их интересом не только к событиям, но и к внутреннему миру героев. В борьбе старого и нового заостряется антиклерикальная и отчасти антифеодальная сатира (Калязинская челобитная, Служба кабаку, Повесть о Ерше и т. п.). Все это создает круг русских читателей, которых может живо интересовать и остроумие Бражника, разоблачающего мнимую святость прославляемых церковью святых, и антифеодальная заостренность некоторых фацеций, и любовно-авантюрные романы и повести с их интересом к переживаниям действующих лиц и эмоциональной окраской повествования.

Без сомнения, заслуживает внимания и то, что многие произведения (рыцарские романы, фацеции) становились известными на Руси не в период своего создания, а много времени спустя, когда они стали в Западной Европе народными книгами. В значительной степени прав И. Матль, предлагающий считать западноевропейскую народную книгу XVI—XVII вв. своеобразным «фольклористическим фактом».[7] Не с этим ли стоит в связи иногда параллельное появление разных редакций переводных романов (Оттон и Олунда, Повесть о царице и львице, два перевода

---

[5] M Braun. Das Eindringen des Humanismus in Russland im 17. Jahrhundert. — Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956, № 1, стр. 35—49.

[6] М. П. Алексеев. 1) Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958 (IV международный съезд славистов. Доклады); 2) Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века. — Славянская филология. Сборник статей, т. I. М., 1958, стр. 275—330.

[7] J. Matl. Deutsche Volksbücher bei den Slaven. — Germanischromanische Monatsschrift. t. V, 1955, стр. 193—212.